

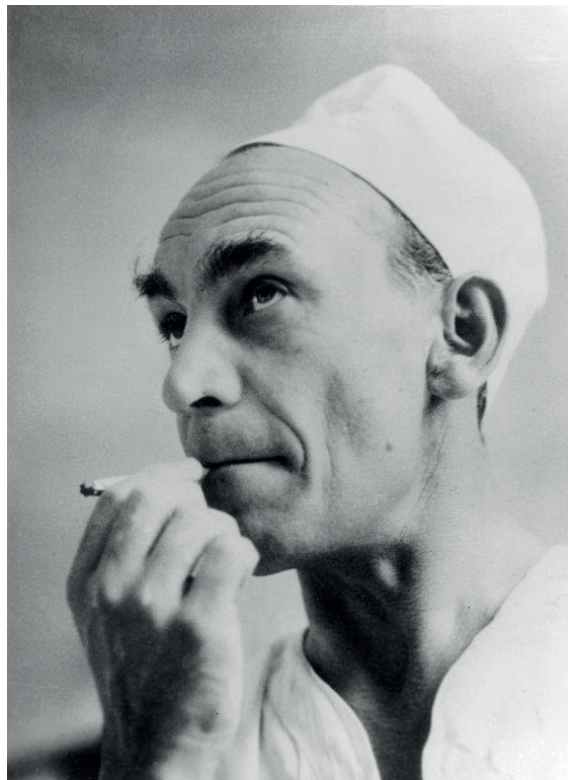

РУБРИКА ПРОФЕССОРА Л.Б. ЛИХТЕРМАНА

Л.Б. Лихтерман (д.м.н., проф)

*ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии им. ак. Н.Н. Бурденко»
Минздрава России, г. Москва, Россия*

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ФЕДОРОВ (1925-1995) К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ НЕЙРОХИРУРГА

Сергей Николаевич Федоров – крупнейший деятель нейрохирургии, самобытная личность – несколько десятилетий вместе с немногими коллегами был гордостью современной нейрохирургии СССР и России. Можно вспомнить о его регалиях, но они отступают на второй план перед хирургическим талантом и необыкновенными человеческими достоинствами. Был он профессором, доктором медицинских наук, лауреатом Государственной премии СССР, заслуженным деятелем науки России... Руководил 25 лет онкологической клиникой Института нейрохирургии им. Н.Н.Бурденко, где создал школу базальных нейрохирургов.

Но мои заметки – воспоминания о Сереже Федорове, ибо для меня он всегда был и остался Сережей. И пишу я о нем, как о друге, а не его биографию и тем более не некролог.

...Внезапная полостная операция с осложнениями, так свойственными врачебному сословию, дала время перебрать всю прошедшую жизнь и вспомнить все неотданные на этом свете долги. Среди первых, – конечно же, Сережа Федоров, ушедший из жизни в тот же день, в который меня оперировали, только пятью месяцами раньше. Дата его смерти – 22 ноября 1995 года сделала это число для меня несчастливым. Однако в день двух двоек, но в апреле 96-го мне вернули жизнь через страдания вместе с необходимостью выполнять обязательства, взятые на себя самим...

...В полудреме лежу на пустынном пляже ялтинского дома творчества «Актер». Под дуновениями ветерка и ритмичный шум прибоя превращаю жгучие лучи родного крымского солнца в загар. Приятная процедура, особенно после больничной койки. Цель моя – не просто загореть, но и как-то

декорировать, сокрыть «елочку» – длинный сизый рубец с симметричными веточками от швов. Косметика живота, расставшегося с болезнью. Боже, как мне повезло! Сереже – не повезло...

Как я люблю его и как мало знаю о нем. Странным даже мне самому кажется это признание. Ведь 37 лет мы с ним были знакомы, 33 года дружили. Столько вместе испытали и пережили! Но он был мало разговорчив, а я не лез ему в душу. Мог только наблюдать и по поступкам, да немногим словам судить о прошлом и глубинных пластах этой сильной природы,

...Сережа не имел стремления произвести впечатление. Но всегда его производил – первое отличительное качество истинной личности, независимо от профессии, регалий, должности, возраста, внешних достоинств... В Сереже было то, что называется обаянием человека.

Длинный, жилистый, с худым четко расчерченным лицом, с пронизательным взглядом чуть

насмешливых с лукавинкой глаз из под густых нависших бровей, с зачесанными назад темными волосами, высоким лбом, сложными завитками сизоватых от курения ушей, породистым носом, большим ртом в обрамлении тонких губ с вечной сигареткой в зубах. Обычно суровый, даже мрачноватый, он очень светло, как-то по-детски смеялся... Таким я впервые увидел Сережу в октябре 1958 года, и таким он оставался до конца дней своих, хотя еще больше усох, побледнел, добавилось борозд-морщин, поседела и поредела шевелюра. Возраст, болезни, обстоятельства – все мы так не меняемся-меняемся.

Сережа – москвич по рождению. В 1942 г., закончив школу в семнадцать лет добровольцем ушел на фронт, был ранен. После демобилизации решил стать врачом и поступил на лечфак Второго Московского меда. Закончив, решил стать нейрохирургом. И с 1954 г. вся его жизнь связана с Институтом нейрохирургии.

С.Н. Федоров. Годы Великой отечественной войны

Сережа был кумиром нейрохирургической молодежи. За все безотказно брался, во всем был умел и удачлив, всем щедро помогал. К нему тянулись и Саша Коновалов, и Юра Филатов, и Тэд Корженевский, и Витя Салалыкин, и Валера Корниенко... Познакомиться у Федорова было чему. А учил он всегда просто, предметно, толково объясняя, показывая все своими золотыми руками.

Головастый и рукастый Сережа оказался у истоков внедрения в Институте прямой вертебральной ангиографии (и делал её лучше всех), трахеотомии, стереотаксических и сосудистых операций... Вместе с Борисом Григорьевичем Егоровым создавал новый нейрохирургический инструментарий. Он был человеком, который сам себя нещадно эксплуатировал, хотя другие этим тоже не пренебрегали.

Профессор Григорий Павлович Корнянский, руководитель 1-го отделения, где работал Сережа, пожалуй, первый из старшего поколения оценил мануальный талант молодого нейрохирурга. Исходя из пользы для больных и удобства для себя, он стал отдавать Сереже свои операции. И вскоре Федоров выдвинулся в сильнейшие нейрохирурги – сначала клиники, а затем и Института.

В 1966 г. Александр Иванович Арутюнов назначил Федорова руководителем нейрососудистого отделения. Но еще до этого Сережа фактически стал создателем нижегородской школы нейрохирургов. Как возможно, работая в столице, воспитывать нейрохирургов в провинции? Я причастен к этому и могу рассказать подробней.

Закончив аспирантуру по неврологии в Институте нейрохирургии им. Н.Н.Бурденко и защитив кандидатскую диссертацию, я остался без работы. Отсутствие прописки и некоторые другие факторы воспрепятствовали моему устройству в Москве. Единственный из аспирантов и ординаторов Института я поехал в провинцию. Но и там меня упорно никуда не брали – Симферополь, Курск, Калинин, Иваново, Рязань, Ярославль, Горький – во всех этих университетских городах, хотя и под разными предложениями, я получил отказ в приеме на работу в медицинские институты.

Сунулся было в родственник ленинградский нейрохирургический Институт им. А.Л. Поленова, директор которого профессор Вениамин Михайлович Угрюмов очень хорошо меня знал. И все-таки взять не решился. Видимо, его напугал фельетон в «Медицинской газете» об академических аспирантах с характерными фамилиями, желающих во что бы то ни стало зацепиться в Москве; среди них был упомянут и я.

И только директор горьковского Института травматологии и ортопедии профессор Михаил Григорьевич Григорьев, узнав, что я столичный кандидат наук, прошедший настоящую неврологическую школу в нейрохирургии, не раздумывая, сразу предложил мне место старшего научного сотрудника. В Горьком по решению Минздрава России открывался межобластной нейрохирургический центр, и я был здесь очень кстати.

Дело по мне, но оказался в странной и сложной ситуации. С одной стороны, молодые способные хирурги и травматологи с желанием опери-

ровать на головном и спинном мозге, но по существу без нейрохирургических навыков и тем более школы. С другой, – пожилой руководитель, фронтовой хирург, травматолог и ортопед по анамнезу, не владевший неврологией.

В создававшийся центр я старался заложить воспринятые мной принципы работы московского Института нейрохирургии. Я мог научить топической диагностике, основам ведения нейрохирургических пациентов, добиться комплексности в обследовании больных – появились нейроофтальмолог, отоневролог, нейрорентгенолог, нейрорепсихолог, психиатр, нейрофизиолог, нейроморфолог. Но научить оперировать как надо, понятно, не мог. А это, в конечном счете, самое важное, самое необходимое для нейрохирургической службы. Вместе с коллегами я ставил диагноз, а результаты оперативного лечения, особенно в нейроонкологии, нередко разочаровывали нас, но прежде всего страдали больные.

100-коечная клиника, 10 молодых нейрохирургов: нужен был учитель, нужна была школа. Обстоятельства сложились так, что руководитель нейрохирургического центра ушел в затянувшийся творческий отпуск для завершения докторской диссертации. На меня возложили его обязанности. Руки были развязаны, и я, никого не обижая, мог действовать на свой страх и риск.

Сначала, думая только о больных, отправлял все сложные случаи в Москву. Потом, думая о будущем нейрохирургического центра и тех же больных, стал приглашать на операции в Горький мастеров из Москвы. Так сказать, метод предметного обучения на месте. Только в 1964 г. у нас побывали Н.М.Волынкин и М.А.Салазкин, С.Н.Федоров и Ю.М.Филатов, Г.А.Габибов и Н.Я.Васин, Н.С.Абаимова и А.Л.Кадин... Мы готовили 3-4 пациентов, наши нейрохирурги ассистировали москвичам, овладевали техникой мозговых операций, могли сравнивать варианты решений и доступов, воочию видеть и соприкоснуться с вершинами нейрохирургического мастерства и тянуться в своем становлении к образцам.

Московские коллеги и наставники, несмотря на свои дела и заботы, сразу откликнулись на мои просьбы приехать в Горький. Но как-то так получилось, что самым легким на подъем, самым безотказным оказался Сережа Федоров. И мо-

жет быть я злоупотреблял этим – Сережа с 1964 по 1967 гг. (до своего отъезда в Алжир) приезжал

к нам оперировать раз 20. Он стал моим ближайшим другом.

Сотрудники института нейрохирургии. 1-й р. сл.-напр. С.Н.Федоров, И.А.Кучина, Ф.А.Сербиненко. 2-йр. В.В.Ярцев, А.Н.Коновалов, П.И.Падалко. Москва, начало 70-х гг. XX века

Всем Федоров пришелся по душе. К нему привыкли, к нему тянулись и главное – у него учились. Он многое привил молодым, показал планку высоты большого нейрохирурга. Сережа первый настоящий учитель нижегородских нейрохирургов – выпестовал свою школу в Горьком раньше, чем это ему удалось в Москве.

Обычно Сережа прилетал по санавиации – это была самая удобная форма вызова. Из аэропорта скорой помощью прямо в клинику. Мы докладывали ему больных, показывали ангиограммы, анализы. Как правило, он соглашался с диагнозом. Тут же начиналась операция, к которой больной был подготовлен.

Сосредоточенный, немногословный Сережа работал быстро. Любые задержки раздражали его. Впрочем, если его спрашивали о чем-то по ходу хирургического вмешательства, то подробно отвечал ассистенту, федоровский темп был легко объясним. Он считал, что чем быстрее сделана операция, тем лучше перенесет ее больной. Удивительно точно выходил на опухоль. Почти всегда успевал в самом начале остановить кровотечение и как-то, я бы сказал, артистично, удалить новообразование. Впрочем, помню и накладки. Они не-

избежны в работе нейрохирурга. Но как из них выходил Федоров?

У молодой женщины, после рождения ребенка, развились глухота на левое ухо, шаткость походки, мимопадание и другие мозжечковые и стволые симптомы. Диагноз невринома VIII нерва ни у кого не вызывал сомнений. С ним согласился и приехавший Федоров. Операция. Латеральный подход к мостомозжечковому углу и – все удивлены и обескуражены – нет опухоли. Ну, что ж и сегодня бывает такое, тем более бывало в докомпьютерную эру.

Я тем не менее оставался в убеждении, что опухоль есть и, если бы оперировал не Федоров, отнес нигилемму за счет хирурга. Однако в Сереже я был уверен. Казалось, надо уходить, чтобы не принести пациентке вреда. Но Федоров чувствует, что опухоль рядом и идет щупом на пункцию левого полушария мозжечка. И в глубине ощутил знакомое ему сопротивление бластоматозной ткани. Я знал, последует рассечение мозжечка, это уже хирургическая агрессия с вероятными клиническими издержками. Волнуюсь, а вдруг опять Сережа не найдет опухоль. Федоров решительно вторгается в мозжечок и где-то далеко у самого ствола обнаруживает вдавшуюся

в него медиальную неврину. Радикально удаляет ее. Большая поправилась; мозжечковые нарушения со временем сгладились.

Каждая, даже самая удачная операция доставалась ему нелегко. Он не показывал этого, но думал о прооперированном больном и днем, и ночью. Сережа всегда останавливался у меня, и я нередко заставлял его курящим и смотрящим в ночное окно. Дежурные врачи были предупреждены Федоровым – при малейших сомнениях присылайте скорую. Но порой Сережа не выдерживал и просил меня узнать, как больной. Телефона в квартире тогда не было, и я, выполняя его просьбу, тут же выбегал к ближайшему уличному автомату. Он, казалось, успокаивался...

Оперируя наших больных и обучая наших нейрохирургов, Сережа одновременно здорово помогал Институту нейрохирургии с инструментарием. Дело в том, что в Горьковской области находятся 2 крупнейших в России медико-инструментальных заводов – Ворсменский и Тумботинский. Практически все скальпели, зажимы, коловороты, трепаны, ножницы, шприцы, пункционные иглы, держатели, лопаточки, кусачки, пилки Джили и иной хирургический инструментарий давали стране Ворсма и Тумботино. Особую ценность представляли и комплектовавшиеся в Ворсме большие нейрохирургические наборы. Понятно, что у нас сложились с инструментальщиками и их начальством прекрасные отношения, основанные на взаимопомощи и просто человеческих симпатиях. Мы никогда не отказывали им, а они никогда не отказывали нам. По обеспеченности инструментарием нижегородские нейрохирурги были первыми в стране.

Я обрадовался, когда директор Института нейрохирургии А.И.Арутюнов попросил посодествовать в получении большой партии «железок» и прислал за ними Сережу Федорова. Запасшись безотказным медицинским спецсредством, на больничной «Волге» Сережа Федоров, Саша Фраерман и я тронулись в Ворсму и Тумботино.

Стоял июль. Путь лежал через леса, поля, перелески, живописные деревеньки. Холмистые просторы радовали взгляд и влекли к душевной беседе. Незаметно пролетели десятки километров. Уже недалеко от Ворсмы, проезжая красивое село с полуразрушенной церковью над речкой, Сережа задумчиво произнес: *«Хорошо бы тут попить парного молочка»*. Вдруг возникшее желание Сережи удивило меня – настолько несвойственно оно было для него.

Мы осмотрели и Тумботинский, и Ворсменский заводы, побывали в цехах, поговорили с директорами и главными инженерами. Те пошли нам навстречу, пообещав сразу же после оплаты Московской счетов вне лимита выслать большие партии инструментария. Но Сереже для операционной Института нужна была фактура немедленно, сейчас.

Обратились на Ворсменском заводе к начальнику ОТК – нашему пациенту. Он-то понимал, зачем нужны «железки» и почему так срочно. Опыт такой помощи медикам у него был. Позвал мастера сборочного цеха. Вошел крупный с обветренным лицом детина; – *«Знакомьтесь, Юра Юров, а это наши друзья-земляки и нейрохирург из Москвы»*, – сказал начальник ОТК. – *«Помоги им, Юра»*. – *«Хорошо. Только надо подождать. Посмотрю у себя, пройду по цехам»*. Часа через два багажник нашей «Волги» был загружен нейрохирургическим инструментарием. Сережа улыбался, благодарил. Мы с Сашей радовались и тоже благодарили.

«А не подвезете ли, доктора, меня домой», – обратился к нам Юра Юров. *«Смена моя закончилась. Живу недалеко»*. Мы были рады хоть чем-то удружить Юре. Покатили. Минут через 10 показалось понравившееся Сереже село. *«Здесь мой дом, – сказал Юра. – А Вас прошу ко мне в гости. Попьем парного молочка, да поедем молодой картошки с солеными огурчиками»*. – *«Сережа, чудо, твоя мечта сбылась»*, – улыбнулся я другу. И Сережа, и Саша сказали Юре, что именно этого они хотели.

Все вместе мы ввалились в деревенский дом. На столе стояла крынка с парным молоком. Из печи жена Юры вынула чугунок с молодой картошкой, принесла малосольных огурчиков и свежей зелени. Мы выложили свои запасы – пару банок консервов и пузырек со спиртом. Сразу почувствовали себя голодными, и пиршество началось. Всласть попили молочка, наелись, выпили, разомлели, а потом разговорились о жизни. Я поражаюсь меткости и глубине суждений Сережи. Когда он говорил, спорщики умолкали, чувствовался лидер. Расстались с Юрой друзьями.

С тех пор еще много раз мы с Сережей бывали в Ворсме. И всегда заезжали в приветливый дом Юры Юрова. И все повторялось.

Огромная нагрузка и ответственность, ложившиеся на Сережу в те 2-3 дня, которые он обычно проводил в нейрохирургическом центре, требовали и какой-то релаксации. Вечерами мы шли

в гости. Порой ужинали в поплавке на Нижневолжской набережной; легкое покачивание и бесконечное движение воды успокаивали и отвлекали. Если день выдавался жарким, и мы освобождались пораньше, то переплывали на катере через реку – на малолюдный заволжский пляж.

Однажды Сережа Федоров, Юра Филатов и я заплыли на песчаный островок – один из тех, которые вдруг почему-то образуются посреди реки и так же неожиданно исчезают. Сережа сел

у заостренного, как нос у корабля, конца острова, опустил ноги в воду и закричал; – *«Ребята, глядите: – одна нога в Волге, другая в Оке!»* Это было правдой: сливаясь, обе реки еще долго сохраняют каждая свое течение и свой цвет воды – голубой у Волги и серый у Оки... Вернувшись в город, мы поднимались на Верхневолжскую набережную, прохлаждались мороженым на веранде «Чайки» и любовались закатом над Волгой и дальями.

Федоров (слева) и Юрий Филатов. Конец 1980-х гг.

Лишь однажды Сережа приехал ко мне в Горький не по хирургической или инструментальной надобности. Дело было так. В мае 1972 г. я завершил свою докторскую диссертацию, посвященную фазности течения и принципам клинического распознавания гистобиологических качеств опухолей головного мозга. Предстояла, как и положено, апробация на Ученом Совете Института травматологии и ортопедии, где я работал. Необходимо были 3 рецензента. Тогда в Горьком имелся лишь 1 доктор медицинских наук – нейрохирург из травматологов-ортопедов, к тому же он являлся членом Совета. Итак, первый рецензент обозначился.

«А судьи кто?» Мне, естественно, хотелось, чтобы многолетний труд оценили те ученые, которые специально «сидят» на опухолях головного мозга. Сережа, увы, отпадал по чисто формальной причине – он был пока кандидатом наук. А вот мой друг, Коля Васин, недавно защитивший доктор-

скую диссертацию по опухолям височных долей, представлялся идеальным базисным рецензентом – нейрохирургом. Еще нужен был третий рецензент – невролог. Разумеется, выбор пал на моего другого московского друга Колю Смирнова. В доброжелательности и, что немаловажно, мобильности друзей я был уверен. Но не меньше, а, пожалуй, еще больше требовалась их компетенция в анализе моего исследования и адекватная критика, чтобы не было стыдно выходить на официальную защиту в *alma mater* – Институте нейрохирургии им. Н.Н.Бурденко Академии медицинских наук. И я поехал в Москву все согласовывать.

Первым, к кому я зашел, был Сережа. Изложил ему ситуацию. Он задумчиво помолчал и сказал: – *«Годится. А рецензентов тебе я привезу сам. И надежней, и дешевле».* Я был расстроган заботливостью друга. Ведь я ни о чем его не просил. Мне и в голову не приходило такое – срывать его с работы, гнать за полтысячи километров ма-

шину. Я ответил: – «Сережа, не беспокойся. Куплю билеты на поезд. Ночь и Коли в Нижнем. Нет проблем». – «Не дури, Лихтерман, жди гостей». Сережа часто называл меня и других по фамилии; откуда эта привычка пришла к нему – не знаю. Может от службы в армии, может от папы-капитана.

Апробация была назначена на 13 июня. Гости приехали накануне – 12-го вечером. Серезину «Волгу» поставили под окнами моего дома. После ужина развел друзей по своим «апартаментам»; Зине с Сережей отвел большую комнату, Колям – маленькую, сам лег в кухне на раскладушке. Не спалось. Заглянул к Колям. Коля Васин стоял у раскрытого окна, смотрел на июньские звезды и вдыхал ароматы расцветающих лип. Коля Смирнов склонился над столом, дописывая отзыв. Я возвратился на кухню, стал мысленно проговаривать свой доклад и провалился в сон.

На Ученый Совет публики собралось больше, чем обычно. Докторские диссертации тогда были редки, а приезжие светила из Москвы создавали особое притяжение. Увы, я перегорел. Превратил энергичный доклад в затянувшуюся лекцию, в которой потонули и смысл, и новизна диссертации. Поверхностный отзыв местного оппонента лишь усугубил ситуацию. Однако глубокие, аргументированные и яркие выступления нейрохирурга Коли Васина и невролога Коли Смирнова, в которых все акценты, включая немало критических замечаний, были расставлены по местам, спасли мою диссертацию от поражения. Сережа на Ученом Совете молчал, однако я чувствовал его неудовлетворенность. Потом он сказал мне: – «Леня, сегодня ты до себя не дотянул». Друг был прав.

Но вечером нам всем было хорошо – и Сереже с Зиной, и Колям, и мне. Коля Васин приготовил великолепную солянку, я выставил лучшее из своих винных запасов. После трудного дня мы с удовольствием ели и пили, радовались, смеялись, наслаждались дружеским общением. Потом мы пошли на закатный Откос, спустились к реке. Коля Васин и я нырнули в ночную Волгу. Течение понесло нас; жизнь казалась прекрасной... Сережа курил, улыбался и, хотя обрывал мои выражения признательности, чувствовалось был доволен удавшимся путешествием, столь значимым для меня. Поздним утром он увез друзей в Москву.

Сережа был надежным, удивительно безотказным и деликатно-трогательным другом. Дружбу он никогда не декларировал, а всегда осуществлял конкретными делами.

В Горьком было плохо с продуктами. Он знал, что я, бывая в Москве, каждый раз до изнеможения бегаю по магазинам, стою в очередях, чтобы привезти домой многие килограммы всякой еды.

Приезжаю однажды в Институт, меня останавливает Сережа и ненавязчиво говорит: – «Я тебе припас оковалок мяса. Если не надо – возьми себе». Полпуда говядины без костей подвез мне Сережа к поезду. В другой раз он где-то отыскал парных цыплят: – «Только не морозь их, Леня», – напутствовал Сережа.

В Москве тогда была распространена система заказов, в которые по дешевым ценам включали дефицитные продукты. Как-то перед маем я попросил Сережу: «Если удастся, получи для меня заказ к празднику». Запомнился огромный ящик, в котором, казалось, лежало все, что невозможно было тогда достать в магазинах: и карбонад, и шейка, и копченый язык, и балык, и баночка икры, и набор редких конфет, и растворимый кофе, и зеленый горошек, и молоденькие огурчики...

Как только у Сережи завелась успешно прооперированная благодарная пациентка, работавшая в закрытом распределителе, стал брать туда и меня. Романтика: в условленный час въезжаем во двор в центре Москвы, спускаемся в необозначенный вывеской полуподвал. Глаза разбегаются от редкостного изобилия деликатесов и простых, но дефицитных продуктов. Выбирай, что хочешь, только знай меру да не тяни время. Все нейтрально пакуется. Я благодарно смотрю на Сережу и горделиво улыбаюсь, представляя изумление жены. Впрочем, она сама испытала бытовую помощь моего друга, когда поехала в Москву за сантехникой. Сережа сумел найти желанный компакт и какими-то ему ведомыми путями сумел провезти его к Ярославскому вокзалу сквозь перекрытые – по случаю похорон К.Е.Ворошилова – улицы.

Сережа никогда ничего не жалел для друга. Однажды так сложились обстоятельства, что я был вынужден попросить у Сережи его неврологический молоточек. Он посмотрел на меня, все понял и отдал навсегда.

Конечно, и я пытался быть полезным другу, угадать его желания. Знал, что любит свежую рыбу. Помню, как-то в мае мне принесли только что пойманную стерлядь с икрой. Обложив ее крапивой, я тут же помчался из Горького в Москву – обрадовать друга.

Сам Сережа был гордым и стеснительным одновременно. За 30 лет дружбы лишь несколько

раз он в сослагательной форме обратился ко мне за поддержкой. Для меня это было больше, чем приказ. Я во что бы то ни стало стремился выполнить просьбы друга. Крайние необходимости, заставившие Сережу писать или звонить мне, были связаны с его «Волгами», старой и новой, точнее с запасными частями (а я, напомним, жил в Горьком и, конечно, консультировал в медсанчасти автозавода).

Многие годы Федоровы жили тесно – сначала у родителей в Сокольниках, затем Сережа, Зина и двое дочерей – в двухкомнатной хрущевке с «гаванной» на Трифоновской. Но как-то А.И.Арутюнов и Сережа удачно прооперировали жену маршала А.М.Василевского. Сотрудники сережиного отделения подсказали маршалу, как лучше всего отблагодарить нейрохирурга. Моссовет прислушался к ходатайству знаменитого полковника, и в 70-х годах Федоровы переехали в трехкомнатную квартиру на Преображенке.

Дом Федоровых был гостеприимен, полон родственников, друзей, просто знакомых. Как это все они выдерживали, представить трудно. Я сам часто ночевал у Федоровых – и на старой, и на новой квартире. Как-то раз, опоздав на поезд, я оказался без крова. К кому же из друзей без звонка явиться поздним вечером – конечно, к Сереже. Приплелся, а никого нет; сел у двери да уснул. Так они меня и застали, когда вернулись домой.

Любимое место Сережи – за столом на кухне. Обычно мы там и сидели, до ночи вели разговоры и о нейрохирургии, и о коллегах, и о жизни вообще. Неторопливо выпивали. Сережа предпочитал выдержанный коньяк или хорошую водку. Закусывал мало. Я ел больше. Ранним утром Зина давала яйца всмятку (против Сережиной язвы) и кофе. Потом Сережа молча вел машину в Институт, сосредотачиваясь перед операциями. Я чувствовал это и не задавал лишних вопросов.

С.Н. Федоров и Ф.А. Сербиненко

Есть жесткая русская пословица: *«У гостя живя, обо всех не наплачешься»*. Этой горькой истине хирургов учит сама жизнь. Даже самым лучшим и самым талантливым из них приходится провожать больных в мир иной чаще, чем обычным людям. Мастерству человека нередко противостоит природа. И многие из врачей – в ущерб себе – сохраняют способность к полной мере сострадания.

Вспоминается такой эпизод. Однажды мы с женой были приглашены в гости к Федоровым. Явились в назначенный срок, но Сережи не было дома. Не приехал он и через час, а когда, наконец, явился, был невесел и сказал только, что делал сложную операцию. Застолье не клеилось. Сережа звонил по телефону в клинику, тяжело пил, мрачнел и, уже провожая нас, сказал: – *«Так и не могу привыкнуть к смерти. Все мне кажется, что я виноват»*.

...Так странно, что когда я переехал в Москву, почти перестал бывать дома у Сережи, хотя никакая кошка не перебежала нам дорогу. Ко мне, сколько я ни звал его и Зину, они так и не выбрались. К себе активно не приглашали. Навязываться не хотелось. Я понимал, как Сережа уставал в Институте. И, наверно, уже начиналась смертельная болезнь. Правда, я виделся с Сережей почти каждый день в Институте, но обычно лишь мельком. Стойкий 20-летний рефлекс – как только я в Москве – встреча в сережином доме – угас, хотя я и пытался его восстановить.

...Сережа был не только блистательным нейрохирургом, но и мыслителем, хотя себя он таковым не считал, как и не считал себя ученым. «Я прежде всего врач» – утверждал он. По меткому определению Михаила Юльевича Рапопорта, Федоров был «профессором из докторов». Когда Сережа, не становясь в позу, говорил, то воспринималось – изрекал. Так афористичны и мудры были его оценки. Ему были свойственны поразительная интуиция, чувство сути человека. Характеристики, которые он давал коллегам, были удивительно точны, хотя порой и убийственны.

Я поражался – читал Сережа мало, а знал много и всегда был на уровне почти в любом разделе современной нейрохирургии. Видимо, у него, как и у Александра Ивановича Арутюнова, была феноменальная способность все схватывать на лету и провидчески перерабатывать, а Институт нейрохирургии – уникальное место постоянной циркуляции научной информации и новых знаний.

Сережа не был оратором, не любил выступать, но когда волею обстоятельств оказывался на кафедре, в зале становилось тихо, каждое слово Федорова ловили – говорил он всегда по сути, всегда конкретно, всегда аргументировано.

Писать Сережа не любил. Тянул несколько лишних лет с кандидатской диссертацией, посвященной модифицированным им методикам вертебральной ангиографии. Впрочем, была еще и иная причина задержки.

Зимой 1962 г., когда в Институт привезли погибающего от тяжелой черепно-мозговой травмы академика Л.Д.Ландау, то лечащим врачом назначили Сережу. Консультантов и своих, и заграничных было много, а лечащий врач – один. Несколько месяцев Сережа жил в Институте, безотлучно находился у своего всемирно известного пациента. Все, что решал консилиум звезд неврологии и нейрохирургии, выполнял Сережа,

многое острое, острейшее вынужден был решать сам, беря на себя исключительную ответственность. Знаменитые физики-коллеги и ученики Ландау оценили высокий профессионализм Сережи. Полные признательности надежному доктору сами без всяких просьб пообещали добиться присуждения ему ВАК ученой степени кандидата медицинских наук по совокупности научных работ без защиты диссертации.

Академик Ландау выжил, выписался из Института. Сережа стал героем очерков и фотографий в газетах, журналах, книгах. О нем было легко писать – эффектная внешность, сложная профессия, талантливый врач с фронтовым анамнезом, мужественная личность и совершенное им чудо – спасение Льва Давидовича из, казалось, безнадежного состояния... Но физики о своем обещании забыли.

Сережа напрочь был лишен карьерных начал. Всего достиг своим трудом, незаурядными способностями, своими человеческими достоинствами, порядочностью. Он никогда не выдвигался сам – его выдвигали другие. Правда, был у Сережи один – по тем временам значительный – изъян: младший сын офицера из охраны Сталина оказался беспартийным.

Помню, как ко мне обратилась секретарь партбюро Института нейрохирургии: – «Леонид Болеславович, Вы друг Сергея Николаевича, прошу Вас убедить его вступить в партию. Это нужно и для него, и для Института. Дирекция и партбюро рекомендуют его на заведывание первой нейроонкологической клиникой. Ученый Совет он, бесспорно, пройдет. А вот на уровне утверждения в Академии возникнут сложности, тем более, что он еще и не доктор наук».

В те недалекие времена членство в КПСС было первой обязательной предпосылкой для занятия любой руководящей должности, даже заведывания клиникой в академическом Институте. Некоторые мои друзья-коллеги были вынуждены вступить в партию с тем, чтобы занять административные посты в Институте и не отдать его в чужие руки. Они были и оставались высокими профессионалами и порядочными людьми; считаю, что именно поэтому, во имя дела, поступали правильно.

Я пообещал переговорить с Сережей, хотя знал, что это бесполезно. Так оно и вышло: «Лихтерман, иди ты подальше. Как будет – так будет, а вступить в партию ради должности я не стану». И тем не менее Бюро отделения клинической

медицины, а затем и Президиум АМН СССР утвердили кандидата медицинских наук С.Н.Федорова руководителем I отделения как прошедшего по конкурсу. Четверть века Сергей Николаевич в этом качестве пестовал собственную школу нейрохирургов в Институте.

Многие годы Сережа формально не соответствовал своему реноме руководителя клиники. На 14 лет затянулось писание докторской диссертации – пионерского труда по хирургии базальных опухолей мозга. Видя мою «писучесть», Сережа искренне говорил мне и до, и после своей защиты: *«Так не хватает тебя. На пару мы бы сотворили кучу приличных книг»*. Увы, Сережа не стал автором ни одной книги. Когда он хотел издать монографией свою докторскую, встретил критику, с которой не согласился. И, даже не пытаясь бороться, отказался от идеи. Характер.

Вернусь, однако, к защите докторской диссертации. Все друзья и сотрудники Сережи мечтали об этом дне. Сережа сам выбрал официальных оппонентов. Вместе с мэтрами нейрохирургии профессорами Иосифом Марковичем Иргером и Эфраимом Исааковичем Злотником в их число попал и я. Было это для меня неожиданно. Сережа предварительно меня не известил, а поставил перед утвержденным Диссертационным Советом фактом. Он был во мне уверен, да и я бы, естественно, никогда не отказался от этой чести.

Неожиданно возникло маленькое «но». Я под 50 лет впервые в жизни уезжал за границу, да не на неделю, а почти на 1,5 месяца путешествовать на корабле по Тихому океану и Юго-Восточной Азии. Не из-за страха за себя, а исключительно из-за ответственности перед Сережей, из-за боязни его подвести (а вдруг со мной что-либо случится), я написал пространственный отзыв на диссертацию за 4 месяца до защиты и, лишь отправив его Сереже, успокоился.

Действительно, во время плавания были 2 момента, когда я мог пострадать. Первый – в Сингапуре, когда я вдруг оказался заложником собственной глупости – на ночном шопинге в Чайнатауне меня заперли в контейнере с джинсами. Второй – в Тихом океане, когда на обратном пути корабль настиг шторм. 10-метровые волны играли с «Феликсом Дзержинским», как с игрушкой, смывая все с палуб. Громады воды выбивали иллюминаторы, пассажиры лежали от таких «качелей» и готовились к худшему, тем более, что радиосвязь отказала. Но все завершилось благополучно.

И я, целый и невредимый, полный ярчайших впечатлений, возвратился в Нижний Новгород.

Теперь я знал, что буду выступать на защите Сережи. Но что скажу интересного после таких авторитетных зубров, таких ораторов, как профессора Иргер и Злотник. Позвонил Сереже. Он сообщил, что доволен моим отзывом, поступившим с таким опережением, и что у него конфликт с И.М.Иргером.

Сережа не страдал самоуверенностью. Но себе цену знал и, если в чем-то был уверен, то твердо стоял на своем. Может быть, кстати, вспомнить один клинический случай, где наши диагностические суждения разошлись. Как клиницист Сережа очень редко ошибался, а как тактик с честью выходил из самых невероятных запутанных ситуаций и в Институте, и вдали от Москвы. 28-летний инженер поступил в Горьковский нейрохирургический центр с жалобами на сильную головную боль приступообразного характера. Я уловил в ней окклюзионный оттенок и, выявив при неврологическом обследовании мягкую мозжечковую симптоматику, предположил опухоль задней черепной ямки. Вызвал на операцию Федорова. Сережа, опираясь на температурные реакции и воспалительные изменения в крови, посчитал, что у больного церебеллит: – *«Оставь его в покое, операцией здесь не пахнет, полечи антибиотиками»*. Это мы выполнили, но эффект оказался обратным – приступы нестерпимой головной боли учащались и утяжелялись, на глазном дне появились застойные явления. Я позвонил Сереже в Москву и настоял на отправке больного в Институт. Вентрикулография с майодилом (дело было до компьютерной томографии) подтвердила окклюзию на уровне IV желудочка. Операция стала неизбежной. Однако Сережа по-прежнему настаивал, что окклюзия воспалительного происхождения. Я же полагал, что причина ее опухолевая. При ревизии Сережа обнаружил маленькую менингиому в зоне поперечного синуса с резчайшим отеком ткани мозжечка. Опухоль удалили. Больше ничего не сделали, что-то удержало от вентрикулостомии по Торкильдсену. После операции Сережа остался при своем мнении, посчитав менингиому случайной находкой и видя в измененном веществе мозжечка доказательство воспалительного процесса. Мне же представлялось, что причина тяжелого состояния устранена и с ней должны уйти и грубые реактивные изменения мозговой ткани, данные гистологического исследования которой можно было трактовать двояко. Теперь только дальней-

шее течение болезни могло подтвердить правоту Сережи или мою. Да разве дело в том, кто окажется прав в этой неординарной ситуации. Лишь бы больному стало лучше. К счастью, Сережиному и моему, инженер быстро поправился, женился, преуспел на службе и исчез с поля зрения, как это обычно бывает с теми, кто выздоровел.

Так вот на совершенно иной модели, но в подобной двоякой ситуации Сережа столкнулся с своим первым оппонентом И.М.Иргером. Иосиф Маркович – эрудированный нейрохирург, хорошо знакомый и с зарубежной литературой, посчитал, что предложенная Сережей анатомо-топографическая классификация парастволовых и базальных опухолей мозга требует определенной коррекции и пригласил диссертанта, может быть в несколько повелительной форме, прийти к нему домой для обсуждения спорных вопросов. Сережа наотрез отказался, чем обидел старого ученого и поставил его в неловкое положение: – *«Леня, пойми, ну, что я к нему пойду, как провинившийся мальчик. В своей области я компетентней Иргера, и моя классификация проверена на огромном опыте Института. Пусть пишет, что считает нужным, поспорим прилюдно, на защите»*.

Возможно, фактически Сережа был прав, кроме того, убежден, его самолюбие задела императивная манера обращения Иосифа Марковича: – *«И все-таки, – ответил я Сереже, – идти следует по многим причинам: профессор Иргер на поколение старше тебя; в конце-концов оппонент имеет право обсудить с диссертантом проблемы и до публичной защиты; не исключено, что учитывая личный опыт Иосифа Марковича и как нейрохирурга, и как редактора многих книг, будет предложено нечто дельное. А на саму форму приглашения не надо обижаться – это уже особенности характера»*. Я здесь вспомнил, как в аналогичной резкой форме Иосиф Маркович – зам. главного редактора «Вопросов нейрохирургии» – позвал меня к себе домой для критики моей концептуальной футурологической статьи «Прогноз развития нейротравматологии до 2000 года».

Идти не хотелось, но я пошел. Я увидел профессорский кабинет, уставленный книгами по отечественной и мировой нейрохирургии, познакомился с толстой пачкой карточек «Бурденко смеется» – заготовок для будущей книги об учителе (увы, так и не написанной). Разноса не было, а за чаем состоялась обстоятельная беседа о нейрохирургии и ее будущем. С критическими заме-

чаниями Иосифа Марковича я где-то соглашался, где-то возражал. Расстались мы с ним очень тепло, а моя большая статья вскоре появилась на страницах журнала: – *«Все равно, Леня, не пойду»*, – ответил мне Сережа. И не пошел.

В день защиты в декабре 1980 г. конференц-зал Института был полон. Сережу знали и любили в Москве многие; тема тоже влекла публику.

После добротного доклада Сережи и его ответов на вопросы выступил Иосиф Маркович с глубоким положительным отзывом. Но все же в нем прозвучали несколько упреков Сереже с каким-то горьким осадком. Сережа отвечал по существу, никак не реагируя на околонуучную фаблу. На банкет Иосиф Маркович не поехал. Второй оппонент Эфраим Исаакович Злотник искренне восхищался разработанными оперативными докладами и полученными результатами. Возражать ему было нечего.

Что же оставалось сказать мне – третьему оппоненту и к тому же неврологу? Когда я выступаю на защитах, я никогда не читаю написанное, а свободно говорю на тему, соблюдая лишь общую канву отзыва. Я сосредоточил внимание на важности и перспективности развитой в труде Сережи концепции фазности течения нейрохирургической патологии применительно к базальным менингиомам. Тема мне очень знакомая и близкая, и, казалось, я сумел донести до аудитории прикладное значение таких сложных понятий, как «клиническая компенсация» и «клиническая декомпенсация», в исходах хирургических вмешательств. Выступило и несколько неофициальных оппонентов, также высоко оценивших диссертацию Сережи. Исход был предрешен – единогласно «за».

Банкет старого молодого доктора наук проходил у него на квартире. Стол был обилён. Мест не хватало. И водка, и речи лились. Сережа был необычно возбужден (я потом понял почему – накануне у него онемела левая рука и нога, и он всерьез подумал, что не сможет выйти на защиту. А тут онемение исчезло, защита прошла великолепно, банкет проходит удачно). Подъехал председатель Спецсовета, директор Института профессор Александр Николаевич Коновалов. Сережа обрадовался и выдал ему свои рекомендации: – *«В типичных случаях давайте больше оперировать другим, а сами сосредоточьтесь на более высоких и нужных для Института проблемах»*. Саша поморщился, криво улыбнулся и стерпел. Он так же, как и все друзья и почитатели Сережи, радовался свершению столь долгожданного акта.

...Сереза был международным нейрохирургом с открытой визой для срочного вылета в любую страну мира. Где он только ни побывал, где только ни оперировал; и в Южной Америке, и в Африке, и в Азии, и в Австралии, и в Европе. Квартира его была полна сувениров со всего света. Никогда не забывал он и меня – из Алжира привез неврологический молоточек (не тот, что я у него когда-то не для себя выпросил), который вот уже полвека мой неизменный помощник в диагностике, из Камбоджи – статуэтку из дерева, из Австралии – оригинальный значок, из Перу – ламу с колечком для ключей... Я заслушивался его рассказами о дальних странствиях, Сереза раздвигал мои представления о мире.

Сергей Николаевич Федоров – в силу своего склада – был создателем самого высокого уров-

ня: всюду, где он работал, воспитывал нейрохирургов, создавая школы. Так было в Горьком. Так было в Алжире, где Сергей Николаевич работал 2 года. Конечно, самая большая школа С.Н. Федорова была в Москве, где среди учеников такие крупные нейрохирурги, как Юрий Трунин, Борис Кадашев, Павел Калинин, Алексей Шкарубо. Сергей Николаевич был научным руководителем кандидатской диссертации будущего академика и директора Института нейрохирургии Александра Потапова. Много учеников Сергея Николаевича работает в бывших республиках Советского Союза. Среди них выделяется Серик Акшулаков, ныне академик и Главный нейрохирург Казахстана. Есть ученики и за рубежом, в том числе в США.

С.Н. Федоров с сотрудниками своей клиники

Научные доклады Сергея Николаевича звучали на всемирных и европейских форумах нейрохирургов. Главным его рабочим местом была первая операционная, а в промежутках между операциями – стол в ординаторской, где он сидел, курил, выслушивал рапорты врачей и сестер, беседовал с родными больных, руководил клиническими разборами, принимал решения. Для безотлагательных доверительных разговоров мы выходили с Серезей в коридор и, стоя у окна, обсуждали проблему.

Впрочем, в последние годы Сереза нередко сживал и в своем небольшом кабинете напротив ординаторской. Утопал в кресле и курил под подаренной ему бывшим больным картиной

с типичным среднерусским пейзажем – розовый морозный день и устремленные к солнцу купола старинного храма. И когда я заходил к нему, все располагало к беседе, именно к беседе, а не стремительному обмену информацией, как бывало в ординаторской.

Мы обсуждали с ним всё и всех. Сереза был, как всегда, искренен и предельно откровенен. Я не хочу злоупотреблять его доверием ко мне и разглашать им сказанное. Но мне он раскрывал глаза на многое, чего я не знал и даже не предполагал. Я понял, какой пресс все время давил Серезу; он был чувствительнее и ранимее, чем это казалось со стороны. И, хотя Сереза никогда не отрывался от земли с ее повседневными забо-

тами и обязанностями, мне вдруг открылась его святость: – «Такие, как Сережа, становились святыми», – думалось мне.

...Рак легкого настиг Сережу вслед за нейрохирургом Эдуардом Канделем. Болезнь быстро набирала силу.

Свой диагноз и прогноз Сережа знал: – «Что оперироваться, что не оперироваться – один конец», – говорил он. Но все-таки пошел на операцию, хотя особо и не надеялся; – «Кормить семью надо», – объяснил свое решение, когда я навел его в Институте онкологии им.Герцена. Торакальный хирург профессор Трахтенберг успешно прооперировал своего коллегу нейрохирурга профессора Федорова.

Сережа прожил еще 5 лет, но у него уже не было прежних сил – похудел, поседел, мучала одышка, а характер, поведение, привычки остались прежними. Все прекрасно понимая, он вернулся к курению. Сережа был фаталистом. Тяжело переживал свои явственные физические ограничения, однако снова становился, пусть гораздо реже, к операционному столу.

Ему все труднее было высиживать на утренних конференциях, заседаниях Ученого Совета, на защитах. Но, когда надо было, он преодолевал свою физическую немощность и не просто присутствовал, а остро выступал. Понимал, что жизнь уходит, но принципами своими не поступался.

Помню одно из последних его появлений на кафедре конференц-зала. На расширенном заседании Ученого Совета обсуждался щекотливый вопрос о возвращении в Институт научного

сотрудника, покинувшего его несколько лет назад. Мнения были полярными. Пытаясь подавить отдышку, Сережа сказал решительное «нет», аргументируя его фактами. С ним согласились.

Федорова высоко ценили всегда, хотя он бывал и неудобным профессором. Держался Сережа независимо от начальства, где-то даже подчеркнуто. Руководству это, естественно, не очень нравилось. Порой отношения между Федоровым и начальством становились напряженными, однако без всяких действий как с той, так и с другой стороны, на уровне, так сказать, эмоциональном.

Но, когда наступило последнее, тяжелейшее пятилетие его жизни по существу инвалидизация после пульмоноэктомии, а Сережа и хотел и должен был работать («Кто кормить будет семью», – повторял он мне), то проявились человеческие качества, которые отличают порядочных людей от непорядочных.

И Александр Николаевич Коновалов, и его замы повели себя не только гуманно, но и делали все так деликатно, что самолюбивый Сережа (подачек он бы не снес) не чувствовал какого-либо ущемления, мог продолжать руководить отделением до последнего своего дня. Это было бы, конечно, невозможно осуществить, если бы желание «сверху» не смыкалось с подобным желанием «снизу». И нянечки, и сестры, и врачи отделения хотели того же – они все благодарно любили Федорова и были преданы ему. Клиника крепла, научные исследования развивались и, сознавая свои ограничения, все же Сережа ощущал себя необходимым в деле.

Посиделки на даче С.Н. Фёдорова. Справа на фото - Т.О. Фаллер и Н.С. Абаимова. Абрамцево, 1993 г.

Федоров слишком много дал Институту и может быть еще больше значил для нейрохирургии, чтобы не поддержать его индивидуальными условиями работы. Знали – Федоров никогда не злоупотребит, но если не дать ему свободный режим, то, как гордая личность, подаст заявление об уходе, либо сломается.

Вспоминаю эпизод, когда Александр Николаевич «переиграл» Сергея Николаевича. Александр Николаевич принимал самое активное участие в судьбе Федорова, навещал его в Институте Герцена и до, и после операции, был в курсе и его состояния, и настроения. Примерно через месяц после выписки, Александр Николаевич позвонил Федорову домой и в заключение беседы довольно строго сказал: – *«Учитите, что через 2 недели ждем Вас на работе»*. Сережа сам мне рассказал об этом разговоре; – *«Леня, он же не представляет, в каком я состоянии. Работать? Да мне сейчас не у операционного стола стоять, а хотя бы немного на воле расходиться»*. Но в реакции Сережи я заметил и иное – какое-то глубокое удовлетворение: ждут, значит, верят в его возвращение в Институт, в нейрохирургию. Александр Николаевич достиг важного психотерапевтического эффекта, а Саша Потапов (*«способный и очень работоспособный»*), по определению Сережи) за счет институтских средств организовал отправку Федоровых в подмосковный санаторий...

...Все свои книги одному из первых я дарил Сереже. С нетерпением ждал его мнения, даже волновался. Сережа, насупив брови, просматривал всю монографию, застревая вначале на авторском коллективе, затем на отдельных кусочках, что-то читал. Меня удивляло, как он быстро улавливал суть и точно оценивал, даже не прочитав как следует книгу, качество материала, скупое хвалил. Иногда говорил только: – *«Ну, спасибо, тебе»*. Я всегда радовался, когда Сережа просил у меня какие-либо разработки или методички для научных исследований своей клиники – так было, например, с концепцией фазности клинического течения опухолей головного мозга.

Однажды Сережа даже обиделся на меня. Я принес в кабинет директора сигнальный экземпляр «Справочника по нейротравматологии» и показал Сереже. Он с интересом взял его, понюхал, как обычно, сказал несколько добрых слов и хотел унести. Я вынужден был задержать друга. Он, не желая слушать объяснений, удалился с недовольным видом. Конечно, через несколько

дней надписанный «Справочник» лежал у него на столе.

Сережа был скромным. К наградам и регалиям не стремился. И Государственная премия СССР за новый нейрохирургический инструментарий, и почетное звание «Заслуженный деятель науки России» пришли к нему благодаря хлопотам его коллег и друзей. Сам Сережа для этого пальцем о палец не ударил.

Любопытная сложилась ситуация с «Заслуженным деятелем науки». В Институте все считали, что Сережа давно имеет это почетное звание. И совершенно случайно, когда мы с Яшаром Керимовичем Гасановым – нашим заместителем директора по социальному развитию Института, в апреле 1995 г. обсуждали, как отметить юбилей профессора Федорова, вдруг всплыло, что Сергей Николаевич не имел «Заслуженного». Колесо представления закрутилось, и к юбилею – в августе Сережи Президент России успел подписать Указ о присвоении профессору Федорову Сергею Николаевичу почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» за многолетнюю безупречную работу, большой вклад в развитие медицинской науки и подготовку кадров.

1995 год был для Сережи годом крупных дат: собственное 70-летие, 50-летие Победы раненого фронтовика, 5-летие переживания после операции и, увы, годом его смерти.

Сережа любил, когда я выступаю в роли тамады (я был им и на его 50-летию, и на его 60-летию). Он хотел, чтобы я вел и 70-летие. Его дочь Аня спросила меня, буду ли я 17-го августа у них на даче. Я ответил, что не смогу, уезжаю в Ялту, так как связан давно возложенными на меня серьезными несдвигаемыми обязательствами. 16-го августа ночью из Крыма послал поздравительную телеграмму, да разве это то, чего хотел Сережа? До смерти оставалось чуть больше трех месяцев.

Декомпенсация наступила как-то сразу в конце октября. Помню мою последнюю встречу с Сережей. Я знал, что состояние Сережи уже безнадежное. Позвонил Зине, чтобы узнать, могу ли ненадолго придти к Сереже. Он пожелал видеть меня. Вместе с фруктами я понес Сереже только что выпущенную под моей научной редакцией замечательную книгу Петера Дууса «Топический диагноз в неврологии».

Сережа лежал у окна с тяжелой одышкой, вконец изможденный, бледный, почти прозрачный. Он улыбнулся мне, протянул худющую руку

и спросил: «Опять что-нибудь написал?»¹. Я отдал ему Дууса.

Он, к моему удивлению, как обычно перелистал книгу и удовлетворенно сказал: «Стоящее дело». Находившийся рядом анестезиолог попросил Сергея Николаевича дать ему «Топическую диагностику» на несколько дней. Сережа ответил: – «Только при одном условии – по рублю за час». – «Почему так дешево? Я готов заплатить и больше», – всерьез ответил ему врач. Сережа рассмеялся, как ребенок. «Сережа, – сказал я, желая его развлечь, – меня грозят судить за предисловие, в котором я описал, как чуть не сорвало перевод и издание ценнейшего руководства издательство «Медицина». – «За такую книгу стоит и пострадать», – утешил меня друг.

Я чувствовал, как ему тяжело держать себя в разговоре, и собрался уходить: – «Леня, прошу тебя – передай всем коллегам в Институте, чтобы не навещали меня. Я не хочу, чтобы меня видели в таком жалком состоянии. А умирать я приеду в Институт, тогда со всеми и свихусь». И действительно, вечером накануне смерти Сережу с его согласия привезли в реанимацию almat mater. Он был мужественным и критичным к себе до конца. Когда стали срочно налаживать «букет» капельниц, он четко сказал: – «Бесполезно». К утру его не стало.

У гроба Сережи в переполненном конференц-зале Института выступали многие: А.Н.Коновалов, Ю.М.Филатов, А.П.Фраерман, Н.С.Абаимова, Т.О. Фаллер...

Сказал свое слово и я: – «Уважаемые коллеги, друзья! Дорогие Зина, Елена, Анна, Николай Николаевич, Сережа Федоров-младший, родные и близкие! Сегодня скорбный день – прощание с Сергеем Николаевичем Федоровым – выдающимся нейрохирургом, талантливой, обаятельной личностью.

Сергей Николаевич – звезда первой величины в блистательной плеяде, в ярком созвездии современных нейрохирургов России. Федоров, как и Коновалов, и Сербиненко, и Филатов, и Габиров. и Васин, пришел в нейрохирургию, в наш

Институт в 50-е годы, и вскоре они все вместе достойно вошли на нейрохирургический небосвод на смену своим учителям – Егорову, Арентду, Арутюнову, Корейше, Тэриану, Кадину, Шлыкову... Естественная эстафета поколений и дальнейшего развитие нейрохирургии, основоположниками новых направлений которой теперь стали они сами, создав свои собственные школы.

Увы, не только восходят, но и закатываются звезды нейрохирургии – или внезапно от инфаркта, как Васин и Габиров, или мучительно долго, как Кандель и Федоров.

Заболев, Сергей Николаевич со свойственной ему образностью говорил своим друзьям: – «Я – как приговоренный к смертной казни, но только с долгой и мучительной отсрочкой ее исполнения». Нейрохирург, спасший тысячи больных, вынес и этот тяжкий крест страданий больного. Истощенный до предела физически, Сергей Николаевич до последнего дня – оставался прежним – критичным к себе и к другим, мудрым и принципиальным, добрым и справедливым, стойким и стеснительным.

Федоров всего достиг своим талантом и собственным горбом. Был первопроходцем в многих разделах современной нейрохирургии.

Для меня, как для многих в Институте, он был высший судья. Что скажет Федоров? Как оценит Федоров? Его немногословное одобрение придавало уверенность в правоте, разумеется, не только клинической. У него мы учились растерянным качествам – достоинству, независимости, свободе, гордости, самоуважению.

Федоров ушел – Федоров остался. И спасенные им больные, и ученики в России и других странах, и крепкая клиника, и большая семья, и друзья, и благодарная память истории отечественной нейрохирургии.

Говорят, нет незаменимых. Нет, если иметь ввиду место, должность. Но Федоров, если иметь ввиду личность, – незаменим для Института. Спасибо природе, что подарила нейрохирургии, нам всем Сергея Николаевича Федорова. Прощай Сережа! Спи спокойно и до встречи, друг».

¹ А знаешь ли ты, Сережа, как и где писал я этот очерк о тебе? Первые странички заполнены в урологической реанимации в апреле 1996 г. В шале, когда лежал на ялтинском пляже, вдруг прорвался поток мыслей о тебе. Я тут же их записал. И уже медленно, сидя за письменным столом своего отца, продолжал воспоминания. Затем рывок в конце августа — в поезде Симферополь-Нижегород. Почти половина заметок написана в пути. Еще несколько листов добавил в Нижнем. А завершил очерк 2-го сентября того же года в хирургии 33-ей московской больницы буквально за час до второй срочной операции. А знаешь ли, Сережа, кто меня оперировал? Твой друг Тадеуш Корженевский, который когда-то начинал нейрохирургом вместе с тобой в нашем Институте, а потом стал прекрасным общим хирургом. К елочке на животе прибавилась стрела. Может быть, друг, мне повезет и на этот раз, не все еще о тебе написано.

После гражданской панихиды Сережу отпевали в храме Святителя Николая-чудотворца, который, потеснив научную библиотеку Института, расположился как раз над его операционной, тоже бывшей частью дореволюционной церкви. Здесь многие годы нейрохирургический бог • профессор Сергей Николаевич Федоров, забыв о себе, спасал больных от опухолей мозга и других опасных болезней нервной системы. Тело и душа. Когда мы бодем, то и Бог болеет.

Хоронили Сережу далеко от Москвы – в Абрамцево, где у него дача и где на кладбище лежат его родители. Ноябрьский день выдался необычно ясным, солнечным и морозным. Все страшно замерзло, но никто не уходил. Переминались у све-

жей могилы. Помянули и чуть согрелись. Юра Филатов, глядя на уходящие в синее небо припорошенные снегом высокие ели, сказал: – «Как хорошо, что Сережка такой истинно русский человек – будет лежать среди любимой им русской природы».

Знаешь ли ты, Сережа, что я исполнил твое желание – был тамадой, увы, уже на твоих поминках. Мне предложили, и я, понятно, не отказался. И вел это скорбное собрание в холодном клубе Института. Все, кто пришел, говорили о тебе проникновенно, вспоминая те нити, которые их связывали с тобой, и те истории, которые знали только они и только ты. И так ты вновь явился нам во всем своем благородном сиянии...